

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 340–346

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 340–346

<https://soziopolit.sgu.ru>

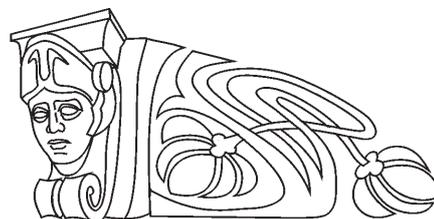
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-340-346>

Научная статья

УДК 327.8

Особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации

П. И. Пашковский

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, 295007, Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4

Пашковский Пётр Игоревич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук и международных отношений, petr.pash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>

Аннотация. В статье рассматривается проблема этапов эволюции и основных тенденций функционирования внешнеполитического механизма Российской Федерации. Охарактеризована степень субъектности конкретных элементов механизма формирования и реализации российской внешней политики с 1991 г. по настоящее время. Показано, что в период 2000–2008 гг. в системе государственного внешнеполитического механизма происходят определённые изменения, обусловленные спецификой стиля руководства действующего президента и его команды. К 2012 г. данная система эволюционирует, приобретая современные черты.

Ключевые слова: внешнеполитический механизм РФ, внешнеполитический процесс РФ, внешняя политика РФ, принятие внешнеполитических решений, государство, группы интересов

Для цитирования: Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 340–346. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-340-346>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the foreign policy mechanism of the Russian Federation

P. I. Pashkovsky

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russia

Petr I. Pashkovsky, petr.pash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>

Abstract. The article considers the problem of the stages of evolution and the main trends in the functioning of the foreign policy mechanism of the Russian Federation. The degree of influence of specific elements of the mechanism of formation and implementation of Russian foreign policy from 1991 up to the present has been characterized. It was shown that in 2000–2008 certain changes took place in the system of the state foreign policy mechanism, which were due to the specifics of the leadership style of the incumbent President and his team. By 2012, the system evolves and acquires modern features.

Keywords: foreign policy mechanism of the Russian Federation, foreign policy process of the Russian Federation, foreign policy of the Russian Federation, foreign policy decision-making, state, interest groups

For citation: Pashkovsky P. I. Features of the foreign policy mechanism of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 340–346 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-340-346>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях увеличения международной напряжённости актуализируются дискуссии, связанные с поиском адекватного ответа на современные вызовы и угрозы национальной безопасности нашего государства, среди которых особое место занимают вопросы повышения эффективности внешней политики России¹. Эта проблематика соотносится со специфической сферой формирования и реализации российской внешней политики², которая в силу своей закрытости зачастую получала ситуативное освещение – с акцентом на изучении общетеоретических

вопросов при недостаточном внимании к существенным – в трудах как отечественных³, так и зарубежных⁴ исследователей. В связи с этим в данной статье осуществляется попытка рассмотрения этапов эволюции и основных тенденций функционирования внешнеполитического механизма РФ.

Разрушение Советского Союза поставило Российскую Федерацию в двойственное положение относительно функционирования внешнеполитического механизма. С одной стороны, республика не была связана с внешнеполитическим

механизмом СССР. Министерство иностранных дел РСФСР фактически являлось филиалом Протокольного отдела МИДа Советского Союза, занимаясь организацией поездок иностранных делегаций по республике. С другой стороны, Россия создавала собственный внешнеполитический механизм с учётом переходивших под её юрисдикцию союзных ведомств-исполнителей Министерства иностранных дел, внешней разведки, обороны и т. д., которые следовало объединить новыми линиями взаимодействия и межведомственной координации. Решению этой задачи способствовало то обстоятельство, что к указанному времени все внешнеполитические ведомства Российской Федерации были выведены непосредственно под Президента, давая возможность восстановить внешнеполитический механизм в аналогичном существовавшему ранее виде, заменив ЦК президентским аппаратом. Но справиться с этой задачей не позволили положение в самом аппарате, а также квалификация и методы работы первого Президента России. В свою очередь, работники внешнеполитических ведомств не стояли перед необходимостью делать выбор, переходя на службу новым государству и власти практически одновременно⁵.

Это происходило в условиях значительной автономии российской политической элиты. «Когда институциональная структура старого режима распалась, – отмечал Д. Г. Балуев, – политическая элита сосредоточила свои усилия на экономической реформе, которая вылилась в открытый грабеж, в то время как строительство государственных институтов во многих областях политики считалось второстепенным делом. Россия стала квазигосударством, формально обладающим государственностью, но не имеющим политической воли, институциональной способности и организованной власти для защиты гражданских прав и обеспечения благосостояния населения»⁶.

Указанные обстоятельства важны с учётом того, что при разрушении СССР союзные министерства в Москве, в том числе и МИД, оказывались под контролем новой власти, от которой зависело, как будет использован их потенциал. Функционирование внешнеполитического механизма Российской Федерации в начале 1990-х гг. характеризовалось хаотичностью в звене Министерство иностранных дел – Президент и в целом бессистемным взаимодействием явно избыточного числа акторов. В этом отношении – на фоне общей неопределённости и негативных тенденций – государством предпринимались попытки создать органы по выработке внешнеполитической стратегии и координации деятельности различных ведомств во внешнеполитической сфере. Так, в конце 1992 г. была образована межведомственная внешнеполитическая комиссия Совета безопасности, которая периодически готовила доклады президенту по

отдельным вопросам. Вместе с тем они имели форму общих пожеланий, не оказывая реального воздействия на внешнеполитический курс⁷.

Стремясь усилить свое влияние на государственный механизм формирования и реализации внешней политики, Б. Н. Ельцин в феврале 1992 г. подписывает указ, согласно которому Президент Российской Федерации получает права непосредственно направлять деятельность Министерства иностранных дел, Министерства безопасности, Министерства внутренних дел и Министерства юстиции. Это означало, что глава государства располагает особыми полномочиями в области принятия внешнеполитических решений, осуществляя контроль над деятельностью профильных министерств⁸.

В ноябре 1992 г. Президент подписал распоряжение «Об обеспечении единой внешнеполитической линии Российской Федерации в международных отношениях»⁹. В результате Министерство иностранных дел утверждалось в качестве аппарата, вырабатывающего предложения по важнейшим внешнеполитическим позициям, осуществляющего координацию внешней деятельности различных российских ведомств и обеспечивающего ее соответствие с официально принятыми установками и указами Президента. Таким образом, к началу 1993 г. формируется такая структура внешнеполитического механизма России, в рамках которой усиливаются позиции Президента, связанных с ним ведомств и Министерства иностранных дел в отношении возможностей влияния на процесс принятия и реализации внешнеполитических решений¹⁰.

Предваряя характеристику сложившегося внешнеполитического механизма, следует отметить, что на протяжении 1990-х гг. под воздействием положений принятой в декабре 1993 г. Конституции¹¹ российская государственность обретает чёткую форму президентской республики. В этом плане внешнеполитический процесс России в данный период отличался высокой степенью размытости и неопределённости, полностью замыкаясь на Президента. Подобное было обусловлено тем, что технология выработки и принятия внешнеполитических решений не была оформлена законодательно, а Министерство иностранных дел, являясь законным координатором внешнеполитической деятельности, было вынуждено неоднократно уточнять позицию после заявлений Президента или публично заявлять, что не имеет информации о подготовке важнейших внешнеполитических шагов¹².

Примечательно, что роль МИД как координатора внешней политики Российской Федерации подтверждалась несколькими указами Президента. В частности, эта задача снова поручалась внешнеполитическому ведомству в марте 1996 г.¹³. В целом, в годы президентства Б. Н. Ельцина указы, утверждающие роль

Министерства иностранных дел в качестве главного органа по координации внешней политики, подписывались им трижды: два раза при А. В. Козыреве и один раз при Е. М. Примакове в должности министров иностранных дел. Процесс принятия внешнеполитических решений в этот период отличался тремя особенностями: инкрементальным и инерционным характером в обычном режиме и импровизационным – в чрезвычайном; постоянными поисками «координирующего органа», что приводило к подтверждению в этом статусе Министерства иностранных дел; значительной зависимостью «стиля» внешней политики от личностных особенностей тех, кто занимал в это время ключевые в отношении внешнеполитического влияния государственные должности. «В эти годы, – писал А. М. Салмин, – таковыми были <...> в соответствии не с формальной “концепцией”, а с реальным влиянием на стиль внешней политики – посты министра иностранных дел (три человека), премьер-министра (семь человек, но при этом пять с половиной лет из десяти главой правительства был один человек – В. Черномырдин) и, в меньшей степени, секретаря Совета безопасности (десять человек), а также – в несравненно меньшей степени – того в окружении Президента (независимо от названия должности), кому поручались обязанности его личного внешнеполитического помощника или / и главы соответствующего подразделения Администрации Президента. Каждый новый министр иностранных дел как бы получал (или подтверждал) своеобразный “ярлык” на координирующую роль МИДа, и надо признать, что при явной предопределённости получения такого “ярлыка” на тех или иных условиях, прежде всего от личных качеств и распределения полномочий в тендеме “президент – министр иностранных дел” зависело, была эта координирующая роль в действительности конструктивной или деструктивной»¹⁴.

Важной особенностью российской действительности 1990-х гг., отражающейся на процессе принятия и реализации внешнеполитических решений, стало то, что государство порой выглядело совокупностью конкурирующих группировок, а вектор государственной политики, в том числе и внешней, во многом определялся существовавшими в конкретный момент отношениями между ними. В этом контексте исследователи акцентировали, с одной стороны, отсутствие единой государственной внешней политики, с другой стороны, наличие «политик» Газпрома, ЛУКОЙЛа, РАО ЕЭС, Министерства обороны и других структур. Высказывались мнения о том, что Россия в этот период имела «несколько внешних политик»: Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Минатома и т. д. В условиях политической и экономической анархии на первый план в выработке внешней

политики выходят крупнейшие российские корпорации, среди которых были Газпром, ЛУКОЙЛ и финансово-промышленные группы¹⁵.

В этом отношении значительное воздействие на внешнюю политику России в 1990-е гг. оказывали группы интересов, каждая из которых отстаивала определённую, наиболее приемлемую для себя внешнеполитическую линию. Так, к первой группе интересов исследователи относят армию, военно-промышленный комплекс (ВПК) и сопряжённые с ними бюрократические структуры, научно-исследовательские центры, высшие учебные заведения и др. Вторая совокупность групп интересов отражала позиции социальных и экономических групп, которые были вовлечены в интенсивные экономические связи со странами Запада, ориентируясь на развитие экспортных отраслей, сферы услуг, внешней торговли и финансов. Особую роль в этом плане играл топливно-энергетический комплекс (ТЭК), ведущим представителем которого являлся Газпром. Сложившиеся группы интересов придерживались различных внешнеполитических стратегий, расходясь по принципиальным вопросам: сотрудничество или противоборство с Западом; «нормальные» отношения с ближним зарубежьем или форсированная интеграция в рамках СНГ¹⁶.

Учитывая сказанное, справедливой представляется сентенция Д. Г. Балужева, что к важнейшим внутренним «движущим силам», влияющим на российскую внешнюю политику в 1990-е гг., относились «государство, ряд неформальных факторов, известных под собирательным названием “организованная преступность”, и так называемые финансово-промышленные группы. Первый из обозначенных факторов традиционно является ключевым при выработке и проведении внешней политики. Две другие группы, несмотря на до недавних пор почти полную сконцентрированность на политике внутренней, во все большей степени превращаются во внешнеполитических акторов»¹⁷.

С вступлением в силу Конституции Российской Федерации в конце 1993 г. начинает формироваться система принятия внешнеполитических решений, которая, учитывая имевшиеся (порой значительные) изменения, в общих чертах представляется функциональной по сегодняшний день. Тенденцией функционирования данной системы исследователи склонны считать то, что основные внешнеполитические решения принимаются, главным образом, внутри треугольника Президент – Администрация Президента – Министерство иностранных дел. Значение этих элементов в рамках треугольника менялось с течением времени. В частности, Министерство иностранных дел было ключевым центром, определявшим внешнюю политику страны в начале и середине 1990-х гг. (при министрах А. В. Козыреве и Е. М. Примакове). Представля-

ется, что внешнеполитический курс государства в указанный период испытывал значительное влияние личной позиции главы министерства¹⁸.

В контексте стремлений главы государства увеличить своё воздействие на внешнеполитический процесс в 1995 г. при Президенте был создан Совет по внешней политике, заменивший также находившуюся в рамках президентских структур Межведомственную комиссию Совета безопасности Российской Федерации, занимавшуюся координацией различных российских заграничных ведомств¹⁹. В 1996 г. на базе Совета по внешней политике при Президенте и отдела Администрации Президента по взаимодействию с органами СНГ создаётся Управление Президента по внешней политике, предназначенное для обеспечения содержательной части внешнеполитических акций главы государства и их информационного обеспечения. С этого момента исследователи отмечают увеличение влияния Администрации Президента на внешнеполитический процесс, что достигло максимума в период второго президентского срока В. В. Путина²⁰.

В российском механизме принятия и реализации внешнеполитических решений в той или иной степени задействованы три ветви государственной власти. Как уже отмечалось, в определении внешней политики ведущую роль играют Президент и Министерство иностранных дел. В этом отношении Администрация Президента занимается, прежде всего, «технической» координацией внешнеполитических аспектов. Министерство иностранных дел, являясь основным инструментом реализации государственной внешней политики, координирует подготовку внешнеполитических решений. Вопросы международной безопасности России входят в компетенцию Совета безопасности, Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки, Главного управления Генерального штаба Вооружённых сил (ГРУ), Федеральной пограничной службы, Федеральной миграционной службы, Министерства обороны и Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Значимую роль в контексте обеспечения юридического сопровождения, в том числе в законодательной работе Федерального собрания, играет Конституционный Суд. Координацию миграционной политики осуществляет Министерство внутренних дел. Ряд других министерств и ведомств координируют международное сотрудничество в экономической, научной и культурной сферах. Субъекты Российской Федерации и Полномочные представители Президента в федеральных округах участвуют во внешнеполитическом процессе в измерении регионального сотрудничества²¹.

Воздействие на внешнеполитический механизм (и внешнеполитический процесс в целом)

Российской Федерации оказывает встроенный в глобальную экономику российский бизнес. В частности, крупнейшие государственные корпорации (Газпром, Роснефть, Транснефть, Росатом, Рособоронэкспорт), государственные банки (ВТБ, Сбербанк) и частные компании (Альфа-групп, ЛУКОЙЛ и т. д.), которые активно вовлечены в мирохозяйственные связи и действуют на глобальном уровне²².

Что касается экспертного сообщества, оказывающего влияние на формирование государственной внешней политики, то такое включает, во-первых, академические и ведомственные институты, созданные в советский период: ведущие университеты России, в которых имеются профильные кафедры и специалисты. Во-вторых, многочисленные экспертно-аналитические структуры (так называемые мозговые центры), появившиеся в постсоветский период, которые специализируются на определённых направлениях прикладных исследований. При этом профессиональное сообщество объединено в рамках нескольких структур: Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) и Российский совет по международным делам (РСМД). Следует отметить, что бывшими дипломатами была основана Международная внешнеполитическая ассоциация. В 1990-е гг. особую активность проявлял СВОП, сумевший объединить внутри себя представителей разных политических сил, идеологических направлений и групп интересов. Эта структура внесла существенный вклад в формирование общенациональной платформы по ряду стратегических проблем внешней и оборонной политики²³.

Кроме того, взаимодействие экспертного сообщества и государства в контексте формирования и реализации внешней политики поддерживается научными советами, существующими при Министерстве иностранных дел и Совете безопасности, а также общественными советами при Министерстве обороны и других ведомствах. Определённое значение имеет и неформальное общение экспертов и практиков, деятельность которых связана с внешнеполитической сферой²⁴.

По оценкам исследователей, система управления внешней политикой действующего президента сложилась к 2004 г. В этом отношении существующий процесс формирования и реализации внешнеполитических решений характеризуется опорой на систему личных связей, находясь под влиянием слабо институционализированных личных и корпоративных интересов. Важной особенностью процесса принятия решений, связанных с внешней политикой, представляется необходимость поддержания равновесия между несколькими ведущими центрами, что проявляется в попытках главы государства найти согласованные позиции. При этом значительное влияние оказывает ближайшее окружение президента.

В целом, современный российский внешнеполитический процесс включает следующие уровни:

1) высший дивизион (стратегический уровень), в рамках которого происходит принятие внешнеполитических решений, либо действия, оказывающие на это наибольшее влияние;

2) средний дивизион (оперативный уровень): осуществляются подготовка, согласование и влияние на принятие решений по отдельным направлениям внешней политики;

3) исполнительный дивизион (тактический уровень): реализация внешнеполитических решений;

4) обслуживающий дивизион (вспомогательный уровень): научно-экспертное и пропагандистское сопровождение внешней политики.

Также выделяются следующие институциональные кластеры управления внешней политикой:

1) государственно-бюрократический (политико-дипломатические, военные, специальные и экономические органы государственной власти, а также связанные с ними системы обеспечения);

2) корпоративный (государственные и крупнейшие частные отечественные корпорации);

3) неформальный (двусторонние комиссии, международные и мировые клубы и форумы с участием ведущих лиц, принимающих решения, и экспертов)²⁵.

Первоначально создание Совета безопасности Российской Федерации подразумевало, что в рамках специального президентского органа будет осуществляться согласование позиций различных ведомств и координация их деятельности в области принятия внешнеполитических решений. В этом контексте ключевое значение должны были иметь следующие высшие государственные чиновники: Президент России, министр иностранных дел, секретарь Совета безопасности, министр обороны, начальник Генерального штаба Вооружённых сил, директор Федеральной службы безопасности, директор Службы внешней разведки²⁶.

Ситуация на стратегическом уровне государственного внешнеполитического процесса, связанная с принятием решений, эволюционировала со временем, приобретая современные характеристики к 2012 г. Так, основная роль в этом процессе, по утверждению аналитиков, принадлежит Президенту²⁷. Одной из ключевых во внешней политике является позиция главы Администрации Президента. В составе Администрации сконцентрированы важнейшие ведомства подготовки стратегических решений и ряд инструментов их реализации. К стратегическому уровню имеет отношение помощник Президента по внешнеполитическим вопросам и секретарь Совета безопасности. Последний, имея наибольшие (после Президента) возможности влияния на процесс формирования и реализации внешнепо-

литической стратегии, располагает функциями помощника главы государства по координации военных вопросов. Помощник Президента по внешней политике занимает следующую по степени влияния позицию, действуя в области политико-дипломатических и протокольных вопросов Президента. При этом полномочия секретаря Совета безопасности и помощника Президента по внешней политике в указанных сферах могут пересекаться. Руководствуясь административной логикой, над ними находится руководитель Администрации Президента, который теоретически может согласовывать позиции секретаря Совета безопасности и помощника главы государства по внешней политике. В то же время, как отмечают исследователи, в реальности это зависит от «аппаратного веса, политической воли и видения руководителя Администрации Президента»²⁸.

На стратегическом уровне исследователи располагают и руководителей ведущих государственных компаний и корпораций, имеющих персональные связи с руководством государства: Газпром, Ростехнологии (ныне – Ростех), Роснефть. Также к стратегическому уровню относят и руководителей наиболее влиятельных негосударственных компаний (Gunvor, Стройтрансгаз, Альфа-групп) и аффилированную с российским руководством инвестиционную группу «Сумма».

Представляется, что функция координации внешней политики – как и согласование позиций в рамках стратегической элиты – «по умолчанию» находится в руках Президента, устанавливающего в зависимости от ситуации порядок принятия стратегических решений. Однако в особых случаях, когда речь шла о вопросах войны и мира, такие решения, по-видимому, принимались в условиях активных обсуждений с участием стратегической элиты и тестированием общественного мнения²⁹.

Таким образом, внешнеполитический механизм Российской Федерации формировался на основе комплекса взаимосвязанных факторов, становящихся императивами и детерминантами особенностей его функционирования.

В 1991–1993 гг. ключевыми в системе внешнеполитического механизма России являлись позиции главы государства, связанных с ним ведомств (Администрации Президента и Совета безопасности) и Министерства иностранных дел. Этот период характеризуется неопределенностью переживающего становление процесса формирования и реализации внешней политики государства в условиях значительной автономии политической элиты, борьбы за влияние и ресурсы, появления финансово-промышленных групп и форсированного экономического реформирования, превалировавшего над строительством государственных институтов. Координирующая роль во внешнеполитическом механизме, вероятно, определялась спецификой личных качеств

и распределением полномочий на уровне Президент – министр иностранных дел. Увеличившиеся возможности парламента Российской Федерации влиять на внешнеполитический процесс не были в полной мере реализованы в условиях конфликта с исполнительной властью.

После принятия в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации механизм формирования и реализации внешней политики, отмечаясь наличием значительного числа акторов, характеризуется тенденцией увеличения влияния Президента и связанных с ним структур. В свою очередь, к середине 1990-х гг. государственная внешняя политика во многом зависела от позиций существующих групп интересов – придерживающихся определённых, подчас значительно отличающихся внешнеполитических ориентаций – и отношений между ними. Со второй половины 1990-х намечается тенденция усиления координирующей роли МИД во внешнеполитическом процессе. Основные внешнеполитические решения в этот период принимаются в рамках треугольника Президент – Администрация Президента – Министерство иностранных дел. При этом внешнеполитический механизм государства по-прежнему находится под воздействием со стороны групп интересов: встроенного в глобальную экономику российского бизнеса (представленного крупнейшими государственными корпорациями, государственными банками и частными компаниями), армии, военно-промышленного комплекса и сопряженных с ними структур.

В период 2000–2008 гг. в системе государственного внешнеполитического механизма происходят определённые изменения, обусловленные спецификой стиля руководства действующего президента и его команды. Своеобразной опорой складывающейся системы становятся личные связи и корпоративные интересы, а также представления о России как о великой державе. Одной из основных характеристик процесса принятия внешнеполитических решений является императив поддержания равновесия между несколькими влиятельными центрами внутри государства, что проявлялось в действиях президента по нахождению консенсуса.

Данная система эволюционирует, приобретая современные черты к 2012 г. Глава государства утверждается в роли ключевой фигуры в процессе принятия стратегических решений в плоскости государственной внешней политики. Секретарь Совета безопасности фактически реализует функции помощника Президента относительно координации военных вопросов. Следующим по степени влияния представляется помощник главы государства по внешней политике, занимающийся преимущественно вопросами политико-дипломатического характера. Теоретически согласовывать позиции этих высших чиновников должен руководитель Адми-

нистрации Президента. Однако на практике подобное во многом определяется его «аппаратным весом» и личностными особенностями.

На стратегическом уровне внешнеполитического процесса находятся руководители ведущих государственных компаний и корпораций, а также наиболее влиятельных негосударственных компаний. Таковые зачастую располагают персональными связями с руководством государства. При этом согласование позиций представителей стратегической элиты осуществляется Президентом, определяющим, ориентируясь по ситуации, порядок консультаций и принятия решений.

Кроме того, в рамках своих полномочий важными элементами внешнеполитического механизма РФ являются: Председатель Правительства, Министерство иностранных дел, Министерство финансов, Министерство обороны, МЧС России, Министерство внутренних дел, Федеральная миграционная служба, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, Главное управление Генерального штаба Вооружённых сил, Конституционный Суд. Особое значение в структуре государственного внешнеполитического механизма имеет Федеральное собрание Российской Федерации, палаты которого располагают рядом прямых и косвенных способов влияния на внешнюю политику.

Примечания

- 1 См.: Юрченко С. В. Мировые тенденции и современные внешнеполитические вызовы и угрозы России // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье : история, политика, география, культура / под ред. О. А. Шпырко, В. В. Хапаева, А. В. Мартынкина, С. В. Ушакова, С. И. Рубцовой (г. Севастополь, 2–4 октября 2019 г.). Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. С. 27–29.
- 2 См.: Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм : проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 452–456. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-4-452-456> ; *Его же*. Внешнеполитическая традиция России : основные характеристики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2016. № 15 (236). Вып. 39. С. 188–192 ; *Его же*. Парламентские институты во внешнеполитическом механизме Российской Федерации : проблемы и противоречия в реализации полномочий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70), № 2. С. 94–106.
- 3 См.: Борков А. В. Процесс формирования внешней политики в РФ и российское общество // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Международные отношения. Политология. Регионове-

- дение. 2004. № 1. С. 40–44 ; Ковальчук А. Постсоветское пространство в российских внешнеполитических концепциях. М. : Аспект Пресс, 2015 ; Кортуннов С. В. Принятие внешнеполитических решений в России и США // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 2 (5). С. 59–70 ; Косачев К. И. Внешнеполитическая вертикаль. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnepoliticheskaya-vertikal/> (дата обращения: 15.05.2021) ; Неймарк М. А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. М. : Проспект, 2020.
- 4 См.: Blank S. J. Towards a New Russia Policy. Carlisle Barracks : SSI US Army War College, 2008 ; Donaldson R. H., Noguee J. L. The Foreign Policy of Russia : Changing Systems, Enduring Interests. New York : M. E. Sharpe, 2005 ; Kanet R. E. Russian Foreign Policy in the 21st Century. New York : Palgrave Macmillan, 2011 ; Legvold R. Russia's Unformed Foreign Policy // Foreign Affairs. September/October 2001. Vol. 80, № 5. P. 62–75 ; Roberts K. Understanding Putin : The Politics of identity and geopolitics in Russian foreign policy discourse // International Journal : Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2017. Vol. 72, № 1. P. 28–55. <https://doi.org/10.1177/0020702017692609>
 - 5 См.: Косолапов Н. Становление субъекта российской внешней политики // Proet Contra. Зима–весна. 2001. Т. 6, № 1–2. С. 15.
 - 6 Балувев Д. Г. Внутренние факторы, влияющие на российскую внешнюю политику // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–2002) : хрестоматия : в 4 т. / ред.-сост. Т. А. Шаклеина. Исследования. М. : РОССПЭН, 2002. Т. I. С. 352.
 - 7 См.: Салмин А. М. Изнанка внешней политики // Российская политика на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / гл. ред. А. М. Салмин. М. : Летний сад, 2001. С. 139–140.
 - 8 См.: Федоров Ю. Е. Движущие силы внешней политики Российской Федерации // Современные международные отношения : учебник / под ред. А. В. Торкунова. М. : РОССПЭН, 1999. С. 260.
 - 9 См.: Распоряжение Президента Российской Федерации «Об обеспечении единой внешнеполитической линии Российской Федерации в международных отношениях» // Российские вести. 1992. 19 нояб.
 - 10 См.: Еременко В. И. Российский парламентаризм : политологические, правовые и социально-культурные аспекты. СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2013. С. 104.
 - 11 См.: Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).
 - 12 См.: Косолапов Н. Указ. соч. С. 17.
 - 13 См.: Федоров Ю. Е. Указ. соч.
 - 14 Салмин А. М. Указ. соч. С. 142.
 - 15 Там же. С. 143.
 - 16 См.: Федоров Ю. Е. Указ. соч.
 - 17 Балувев Д. Г. Указ. соч. С. 351.
 - 18 См.: Процесс формирования внешней политики. Конспекты лекций. Нижний Новгород : [б. и.], 2009. С. 17.
 - 19 См.: Федоров Ю. Е. Указ. соч.
 - 20 См.: Процесс формирования внешней политики. С. 17.
 - 21 См.: Покровский Д. С. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации во внешнеполитическом процессе : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 20.
 - 22 См.: Тренин Д. Россия и мир в XXI веке. М. : Эксмо, 2015. С. 120–139.
 - 23 Там же.
 - 24 Там же.
 - 25 См.: Аверков В. Принятие внешнеполитических решений в России // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 2 (29). С. 111–124.
 - 26 См.: Кортуннов С. В. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? URL: <http://www.wpec.ru/text/200707271137.htm> (дата обращения: 15.05.2021).
 - 27 См.: Osipovich A. Putin, not Medvedev, Remains Master of Russian Foreign Policy. URL: <https://eurasianet.org/putin-notmedvedev-remains-master-of-russian-foreign-policy> (дата обращения: 15.05.2021).
 - 28 Аверков В. Указ. соч. С. 120.
 - 29 Там же. С. 121–123.

Поступила в редакцию 19.05.2021, после рецензирования 24.05.2021, принята к публикации 25.05.2021

Received 19.05.2021, revised 24.05.2021, accepted 25.05.2021